

ЗАЧЕМ?

Я всё терзался этой мукой –
Зачем под позднею луной
Столетний тополь однорукый
Навис над чёрной глубиной?

Чего он ждёт под небом мрачным,
Зачем здесь поздняя луна?
Ведь глубина – всегда прозрачна,
Всегда бездонна – глубина.

А нынче сам пройдя по краю,
Вам не отвечу в миг един –
Зачем я глаз не отрываю
От этих сумрачных глубин?

***

Гвозди поданы... Час распяться.
Каждой подлости – подлый срок.
Нам твердили: «Все люди –
братья...»
Брат несёт уже молоток...

Ради брата осилив хворость,
Брат, по-братски любя Христа,
Равномерно положит хворост
Возле чахнувшего костра.

Усмехнётся – для брата свято
Всё, к чему прикоснётся брат.
Ну а выяснят святость брата –
У святого и братец свят...

Брат по-братски тебя задушит,
Ты ж – по-братски – не помни зла.
И парят над распятым души,
А под ними – зола, зола...

***

Если вдруг на чужбину
заставит собраться беда,
Запахну в чемодан,
к паре галстуков, туфлям и пледу,
Томик Блока, Ахматову...
Вспомню у двери: «Ах, да...
Надо ж Библию взять...»
Захвачу и поеду, поеду.

Если скажут в вагоне,
что больно объёмист багаж
И что нужно уменьшить
поклажу нехитрую эту,
Завяжу в узелок
пёстрый галстук, простой
карандаш,
Томик Блока и Библию –
что ещё нужно поэту?

Ну а если и снова
заметят, что лишнего взял:
«Книги лучше оставить...
На этом закончим беседу...»
Молча выйду из поезда,
молча вернусь на вокзал,
Сяду с Блоком и Библией...
И никуда не поеду.

***

По хлипкой тропинке брести
осторожно...
Былое размылось... Выдумывать –
лень...
Неправда, что на сердце так же
тревожно,
А правда лишь то, что зачихала
сирень.

Неправда все эти слова о разлуке,
О вечной судьбе, что одна на двоих.
Неправда, что помнят
озябшие руки
Тревожащий трепет ладоней
твоих...

Есть Чёрная речка, Нева и
Непрядва...

И дождь, что за шиворот нехотя
льёт.
Есть Слово... И всё остальное –
неправда,
А правда, что птицам сегодня
в отлёт.

Неправда, что ждать остаётся
немного –
Закрутит, сломает, ударит
под дых...
А правда лишь то, что раскисла
дорога
Да ветер свистит в колокольнях
пустых.

***

Закричала одна... Занедужил
другой...
И какая-то странная сила
Закачала фонарь под шершавой
дугой
И печальница заголосила.

А потом и берёзонька стала черна,
И последний журавль занедужил...
Лишь не гасла лампада в ночи
дотемна,
Озаряя бесхитростный ужин.

Где-то поздние лучики плавили
наст,
И печалило гаснущий разум,
Что журавль улетит, что Иуда
предаст,
И все радости кончатся разом.

И всё мучился, глядя в окно,
человек,
И гадал в своей думе нескорой,

Для чего эта ночь?.. Для чего
этот век?..
Для чего эта темень за шторой?..

Для чего этот крыльев тяжёлый
разлёт,
Для чего эта сизость сквозная?..
А того и не слышал, что колокол
бьёт,
Всё биеньем своим объясняя.

Рокотаала в просторе старинная
медь,
Проникая в заблудшую душу,
Хоть всё думал несчастный,
что не о чем петь,
Да и, в общем-то, некого слушать...

***

Может быть, года тому виною –
Кто-то помнит слово или взгляд,
Только мне запомнилось иное –
Как по строчкам пальчики скользят.

Как глядела, чуточку с прищуром,
Женщина... В зрачках – и боль,
и страх.
Как изящный ногтик с маникюром
Отчеркнул две строчки на полях...

Я вчера нашёл тот старый томик
На забытой полке, среди книг.
Те года, любовь, безлюдье в доме,
Женщина – припомнились на миг.

Я ей локон гладил осторожно,
А она шептала горячей:
«Здесь же Анна Снегина...
Как можно
Предаваться нежностям при ней?..»

Старый томик... Судьбы, лица,
строки.
С этим всем попробуй-ка уснуть...
Полумрак... Есенинские строки,
Ногтиком отчёркнутая суть...

***

Болит плечо... И мало кислорода.
Опять к утру в гортани горячо.
Сентябрь нудно каплет
с небосвода...
Болит плечо.

Чадит луна – неверное светило,
И ширь неверным отсветом полна.
– А правда, что и ты меня любила?..
Чадит луна.

Сижу один... Всё выключено. Тихо.
Едва дрожит свеча... Остыл камин.
Судьба пророчит хворости и лихо...
Сижу один.

Во тьме ночей всё истинное –
ложно.
Люби меня, я, в общем-то, ничей.
Опять душе молитвенно-тревожно
Во тьме ночей...

***

Привык рубить сплеча
Да без помарок.
Я думал – ты свеча,
А ты – огарок.

Всё вышло, как всегда,
Как повторенье.
Я думал – ты звезда,
А ты – затменье.

Бреду по мостовой
В день суховейный.
Я думал, что я твой,
А я – ничейный.

Во сне иль наяву,
Средь лжи и шума,
Я думал, что живу...
Напрасно думал.

***

Я иду по земле...
Нынче солнце озябло...
Перепутались косы на чахлой ветле.
За спиною –
котомка подобранных яблок,
И я счастлив, что просто иду
по земле.

Что могу наддышаться –
без удержу, вволю,
Что иду, отражаясь в болотце
кривом,

Мимо русского леса,
по русскому полю,
Где мне русский журавлик
помашет крылом...

***

Эта робкая сирость нищающих
тихих берёз...
Снова осень пришла... Всё опять
удивительно просто –
Если ветер с погоста печальные
звуки донёс,
Значит, кто-то ушёл в ноздреватое
чрево погоста.

И собака дичится...
И женщину лучше не трожь –
Та похвалит соседку,
потом обругает её же...
И пошла по деревьям
какая-то странная дрожь,
И такая же дрожь
не даёт успокоиться коже.

Только женские плачи
всё чаще слышны ввечеру...
Увлажнилось окно... И я знаю,
не будет иначе –
Если в стыдую осень я вдруг
упаду и умру,
Мне достанутся тоже скорбящие
женские плачи.

Постоишь у колодца...
Почувствуешь – вот глубина!
А потом напрямки зашагаешь
походкой тяжёлой.
Но успеешь услышать, как булькнет
у самого дна
Та ночная звезда,
что недавно светила над школой.

Вслед холодная искра
в зенит вознесётся, слепя
Обитателей тёплых и
похотью пахнувших спален...
И звезду пожалеешь...
И не пожалеешь себя...
Да о чём сожалеть, если сам ты
и хмур, и печален?

***

Расстегнутый ворот...
Спешу – не спеши,
Уже ничему удивляться не надо,
И тихая боль одинокой души
Не тише, чем шёпот
уснувшего сада.

И каждая буковка, как полустон,
Что в горле твоим же рыданьем
задушен.
И в мире уже ни концов, ни сторон,
А только одни заплутавшие души.

Им больно вставать
со скрипучих колен
И больно нести пустоту и
усталость...
И гул не идёт от натруженных вен,
Где в тусклой крови и мечты
не осталось.

Лишь утлая лужа звездами полна
Да клёкот сменил соловьиное пенье.
А были ведь песни на все времена...
Но то времена... А теперь
безвременье...

***

Детство... Палочки, буквы, счёты,
Хитрый соседский кот.
Папа скоро придёт с работы,
Мама блины печёт.

С папой рядом – никто не страшен,
С мамой – светлее свет.
Есть морковка... И быт налажен.
Жалко, картошки нет.

«Сам читаешь? Заплакал? Что ты? –
Девушка оживёт...»
Папа скоро придёт с работы,
Мама блины печёт.

Две липучки... А на карнизе
Ткёт свою сеть паук.
«Вдруг к Октябрьским цены снизят,
«выбросят» масло вдруг?..»

Детство, где ты? В сто тысяч сотый
Раз про себя шепчу:
«Папа, папа, вернись с работы...
Мама, блинов хочу...»

***

Смотрит обозлённо,
Не даёт покоя...
Что глядишь, ворона?
Это что такое?

Села на берёзу,
Что напротив окон,
И глядит с угрозой
Беспросветным оком.

Ветви между нами,
Форточка без щели...
Не взмахнёт крылами,
Только клювом целит.

И сейчас, похоже,
Каркнет хрипловато:
«Улетай, бескожий,
Улетай, проклятый!..»

***

Октябрь... Во мгле оцетинились ели,
Потупила женщина раненый взгляд.
Намокли кусты... Журавли улетели.
А я всё хочу воротиться назад.

Туда, где туман над тропинкою
ранней,
На лут васильками стекли небеса,
Где первые искорки
робких желаний,
Зрачок о зрачок! – высекают глаза.

Где плющ закурчавился
возле беседки,
Где гроздь рябины кровавят закат,
Где чахлое солнце повисло на ветке,
А я всё хочу воротиться назад.

Туда, где поспела уже ежевика,
Где осы роятся ... Ужалят...
Не трожь!
И где позади журавлиного крика
Несжатой полоскою стелется рожь.

Где сад сторожит дед с берданкою
злющей,
Где все заголовки нахально кричат
О светлом пути, о счастливом
грядущем...
А я всё хочу воротиться назад.

***

Тихо свечи догорают в полутьме,
Два безумца рассуждают об уме.
Двум несчастным это
Божья благодать –
Всё о счастье, всё о счастье
рассуждать.
И сидят они, и булькает вино,
И о трезвости толдычат всё равно.
Повторяют, мол, спивается народ,
Оттого неурожай и недород,
Оттого по всей округе неуют,
Оттого-то, мол, и птицы не поют.
Оттого в домах и стрехи набекрень,
Оттого-то осыпается сирень...
О высоком рассуждают дураки –
Им стреху чинить, конечно,
не с руки.
Снова чарку поднимают,
снова пьют...
А в округе даже птицы не поют.